
Когда на наших улицах сентябрь
Недобро, по-ноябрьски холоден,
И листьев полыхающая рябь
Вся в инее, и никуда не годен
Осенний плащ, и хочется пальто
Из шкафа взять и теплые перчатки,
Я так скучаю, мама... И твой дом
Ночами снится. И пустые грядки.
Мне кажется, я всюду не у дел –
Ни здесь, ни в нашем милом захолустье.
До голых веток тополь облетел.
Тобол за дамбой стих и обмелел,
И потемневшей ряской затянулся.

Стояло лето – помню, как вчера.
В песке босые ноги утопали...
Мы с младшим братом посреди двора
Высокий замок дружно воздвигали.

Встречал закат состарившийся дом,
Белели свежекотола полешки,
И в небо над сиреневым кустом
Угольной крышей рос пустой скворечник.

Картошкой пахло. Теплым молоком
В подойнике – сейчас из-под коровы.
И ты – в окошках. С круглым животом,
Беременная. В фартуке бордовом.

Смеркался день. Ты вышла на крыльцо -
Позвать на ужин. А синяк лиловый
В вечерней мгле чернел на все лицо.
И замок пал под тяжестью пудовой.

Отец кричал. И гадкие слова
Катились в сени раздраженным градом.
Картошкой пахло. Ныла голова.
Заплакал брат. И обняла я брата.

Это случилось вечером, в сентябре.
В сонном безветрии млея в берегах Тобол.
Я тосковала по маме и по сестре.
Люди на пляже резались в волейбол.

Было тепло, как летом. И комары
Липли к раздетым, бледным моим рукам.
Тенью домов окружали меня дворы,
А в фонарях вокруг не хватало ламп.

Ты догонял. Я слышала шорох ног.
Запах. Дыханье. Выпитый «Ягуар».
Ты говорил, мне будет не все равно.
В небе над городом солнечный стыл пожар.

В школе далекой, сельской, еще вчера
Детством звенел последний смешной звонок...
Солнце тонуло. А старый Тобол молчал,
Будто и возразить ничего не мог.

Серое небо
Тяжестью купола
Давит и
Щурится,
Выжив со света
Солнце лупится
Фонарями
Городских улиц
И стеклами
Окон,
Светлыми от любви
Электрических ламп
И перегревшихся мониторов.
Где бы ты ни был,
Я слышу: глухо так
Лает и
Ярится,
Выжив из ума,
Сердце лупится
О грудную
Клетку, ревнивец,
И просится
Вон! Вон!
Из-под купола в мир,
Из когтистых любовных лап -
На свободу от чувств и от взоров.

Глухое касанье шагов об асфальт,
От пыли седой и бесцветный.
Мне так бы сейчас пригодилась вуаль
И сдержанность прошлого века.
За крыши бетонных, безглазых домов
Белесое солнце садится.
Подальше б от улицы, в парковый кров
Сутулой нелепицей скрыться!
Я, кажется, вновь поступилась собой –
Любви ли, безволия ради.
Сейчас бы дождя непроглядной стеной
Позор унижения сгладить.
Но ясное небо встречает закат.
Ты мне позвонишь, и я, вздрогнув,
Глаза опущу и отправлюсь назад,
Коль будет тебе так удобно.
А солнце мне спину прощальным лучом,
Остывшей ладошкой тронет.
И огненным кругом нырнет в окоем,
Когда его небо уронит.

Твои зелено-серые глаза
Меня без колдовства околдовали:
Как молятся в углу на образа,
Так я молюсь их дымчатой печали,
Хранящей блики солнечного дня
И томный жар седеющего лета.
Ты никогда не будешь «для меня»,
А я не стану спрашивать ответа.
Так прям и прост твой жизненный огонь,
Но как мне подойти к нему непросто!
Он больно жжет несмелую ладонь,
А стать смелее не хватает роста.

Как зарево закат очередной.
Твои глаза все также смотрят мимо.
А я иду по городу. Домой.
И режут воздух взвизгами машины.

Безумен ты, и власть твоя слепа,
Как и мое слепо повиновенье.
Покорно ждет тебя мое смирение,
Как первый дождь невинная весна.

Приди ко мне в наивный, нежный плен,
Достань до дна - и вырвешься на волю.
Я господином быть тогда позволю
И сяду у нагих твоих колен.

И ты прочтешь мне сказку перед сном
И уберешь на полочку де Сада,
Цветком сухим из городского сада
Страницу заложив. И колдовством

Речей твоих вконец опьянена,
Я стан твой обовью в немом томленьи.
Ты искуситель? Жертва искушенья?..
Ты болен мной, иль я тобой больна?